

**ЦЕННОСТНЫЙ КОД РИТОРИЧЕСКОГО СЮЖЕТА
ПОВЕСТИ А.Н. РАДИЩЕВА «ЖИТИЕ ФЕДОРА ВАСИЛЬЕВИЧА УШАКОВА»**

Статья посвящена филологическому анализу ценностного кода «Жития Ф.В. Ушакова» А.Н. Радищева. Произведение состоит из двух сюжетов: риторического и биографического. Объектом статьи являются языковые особенности риторического сюжета, связанного с размышлениями А.Н. Радищева о ценностных ориентирах человека: взаимоотношениях личности и власти, роли личности в обществе, товариществе, дружбе, любви, идее Просвещения. Выявленные ценности декодируются на лексико-семантическом, грамматическом и стилистическом уровнях. Непрямая соотнесенность авторского слова и бытия предполагает использование приемов риторического повествования.

Ключевые слова: стиль, филологический анализ текста, ценностный код, «Житие Ф.В. Ушакова», А.Н. Радищев, XVIII век.

В.В. Виноградов отмечает, что всякий литературный памятник — это «отражение индивидуального отбора и творческого преобразования языковых средств своего времени в целях эстетически действенного выражения замкнутого круга представлений и эмоций» [1, с. 3]. Н.Д. Тамарченко актуализирует функциональный аспект: стиль — «узнаваемый тип единой и эстетически целенаправленной упорядоченности (через систему композиционно-речевых форм произведения) фонетических, лексико-синтаксических и т. п. особенностей всех высказываний речевых субъектов, а также функций этих высказываний» [2, с. 456].

В композиционном отношении «Житие Федора Васильевича Ушакова» представляет собой синкретическую форму; как художественное целое оно состоит из двух пластов: риторического и биографического. Такое сцепление рассчитано на убеждение и экспрессивную обработку читателя. Риторический сюжет «Жития Ф.В. Ушакова» связан с размышлениями А.Н. Радищева о важнейших концептуальных понятиях второй трети XVIII в.: проблеме взаимоотношения власти и человека, роли личности в обществе и в отношениях товарищества, дружбы, любви, о идее Просвещения. Филологический анализ риторического сюжета показывает отмеченное Н.А. Николиной превращение языковой единицы в поэтическое, рефлектирующее слово, в котором автор открывает возможности образного применения [3, с. 3].

Образ Федора Васильевича Ушакова вводится Радищевым в повествование с помощью риторического приема косвенной оценки — способа убеждения читателя в добродетелях персонажа не путем открытого одобрения, а в сравнении с тем, что обществом оценивается заведомо положительно, в нашем случае — с образом Сократа,

---

* © Растягаев А.В., Сложеникина Ю.В., 2017

Растягаев Андрей Викторович (avg67@yandex.ru), *Сложеникина Юлия Владимировна* (goldword@mail.ru), кафедра филологии и массовых коммуникаций, Самарский филиал Московского городского педагогического университета, 443081, Российская Федерация, г. Самара, ул. Стара-Загора, 76.

ставшего для последующих поколений воплощением идеала мудреца и мужественного человека. В смысловом отношении зачин характеризуется лексико-семантической преобладанностью, широтой охвата содержания, когда «каждое из последующих звеньев расширяет и развивает содержание предыдущих» [6, с. 386].

Читатель оказывается эмоционально и духовно приобщенным к студенческому братству благодаря постоянным формам обращения «мой друг», «любезный друг мой», «друг мой» и под. Можно предположить, что в «Житии...» эти повторяющиеся этикетные формулы приобретают обобщенный характер обращения к читателю вообще. А.Н. Радищев надеется, что найдет в потенциальном читателе «содействителя», ищущего истину: «...но ты, мой друг, будучи содействитель всего, обрящешь в нем истину» [4, с. 166]. Обращения у А.Н. Радищева являются функционально наиболее «нагруженным» риторическим приемом. Их главнейшая функция – призыв читателя к духовному единению, *со-чувствию* и *со-переживанию* в поисках истины и добродетели. Читатель становится полноправным участником диалога и свидетелем истинности описываемых событий.

Близкую к обращению функцию в структуре художественного текста выполняют глагольные формы 2-го лица единственного числа – они устанавливают эксплицитно не выраженную бессубъектную конструкцию апелляции к адресату. Наличие таких синтаксических конструкций в риторических отрывках, связанных в нравственными, патриотическими, государственными и проч. размышлениями писателя, придают им вневременной статус, обобщенно-афористичный характер.

Афористичность в целом является одним из типических приемов риторической прозы А.Н. Радищева. Почти все его философские размышления заканчиваются емкими и точными законченными мыслями. Вот примеры глубоких сентенций. **О самовласти:** «...вышшая власть сокрушалась иногда от безвременной упругости и безразсудной строгости» [4, с. 162]. **О дружбе:** «Ничто, сказывают, толико не сопрягает людей, как несчастие» [4, с. 163]. **О судьбе:** «Столь юность без советов дружества сама себе губительна! но провидение блело над нами, ибо превратности в сердце нашем не зрело; и для того щит его носится всегда над неопытностью и блюдет ее в самой пропасти» [4, с. 171]. **О стяжательстве:** «Кто в них [житейских делах] следует единому разсудку и добродетели, тот не брежет о себе» [4, с. 157]. **О карьере:** «оставь пустую мысль и тщетное намерение быть известным Государю, в низком состоянии следуй начатому пути и предупеешь» [4, с. 158].

«Поскольку стиль, – пишет А.Б. Есин, – ...как бы разлит по всей структуре формы. Поэтому организующий принцип стиля обнаруживается в любом фрагменте текста, каждая текстовая «точка» несет на себе отпечаток целого» [7, стб. 1032]. Художественный образ, по словам А.А. Потебни, «каждый раз, когда воспринимается и оживляется понимающим, говорит ему нечто иное и большее, чем то, что в нем непосредственно заключено» [8, с. 155]. Такой потенциал для наращивания смысла создается за счет использования тропеических средств и фигур речи. Отметим «сквозные» приемы радищевского слога.

Лирический отрывок, связанный с описанием возвращения студентов на родину и нахлынувшим на них чувством любви к Отечеству, включает фигуру нарушения обычного порядка слов, инверсию. В творчестве А.Н. Радищева использование инверсии можно объяснить не только с позиций психологизма повествования, но и с точки зрения исторического синтаксиса. Так, Б.В. Томашевский уточняет, что в церковнославянском языке определение обычно следует за определяемым (синтаксический церковнославянизм) [9, с. 74].

Другой формой экспрессивного употребления определений являются эпитеты, как то: *беззаботная юность*, *пламенное желание*, *жаркий взор* и др. Использование эпитете-

та имеет целью обращение внимания на данный признак и выражение эмоционального отношения пишущего к предмету.

Образное употребление слова разрушает его логическое содержание и пробуждает эмоциональные ассоциации. Радишев отдает предпочтение метафорам, основанным на ассоциативных сенсорных полях: *твердость в мыслях; жар дружбы*. Г.Г. Хазагеров и Е.Е. Корнилова замечают, что «ассоциативные сенсорные поля связаны с эмоциональной памятью и поэтому имеют значение для аргументации» [10, с. 125–126].

Особо возвышенную атмосферу создают перифразы – описательные выражения, как то: *сие утешительное чувство в человеке* – надежда; *сгораемый внутренним огнем* – больной.

Риторичность повествования обеспечивается и за счет использования Радишевым высокой книжной лексики, например: *жертвовать счастьем? пеищися о благе общества*, нек. др.

Таким образом, риторический стиль А.Н. Радишева является сложной, многогранной системой. Большой писатель впитал разные источники риторической традиции. Денотатом «Жития...» в риторических его аспектах является не непосредственное бытие, а мир как сущее, реализованный через концепты власти, человека, знания и чувства. Разнообразии лингвистических средств создания художественного повествования подтверждает мысль М.М. Бахтина о том, что «громкая работа художника над словом имеет конечной целью его преодоление, ибо эстетический объект вырастает на границах слов, границах языка... художник как бы побеждает язык его же собственным языковым оружием, заставляет язык, усовершенствуя его лингвистически, превзойти самого себя» [11, с. 49].

Библиографический список

1. Виноградов В.В. Избранные труды. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. 360 с.
2. Тамарченко Н.Д. Литература как продукт деятельности: теоретическая поэтика // Теория литературы: в 2 т. М.: Академия, 2004. Т. 1. С. 106–264.
3. Николина Н.А. Филологический анализ текста. М.: Академия, 2003. 256 с.
4. Радишев А.Н. Полное собрание сочинений: в 3 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. Т. 1. 501 с.
5. Иванова М.В. Образ автора как интрига древнерусской словесности // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского Богословского института. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского Богословского института, 2002. С. 305–309.
6. Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка. М.: Высшая школа, 1991. 432 с.
7. Есин А.Б. Стиль // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: Интелвак, 2003. Стб. 1031–1033.
8. Потемня А.А. Теоретическая поэтика. СПб.: Академия, 2003. 384 с.
9. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. М.: Аспект Пресс, 2002. 334 с.
10. Хазагеров Г.Г., Корнилова Е.Е. Риторика для делового человека. М.: Флинта: МПСИ, 2001. 136 с.
11. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.

References

1. Vinogradov V.V. *Izbrannye trudy. O iazyke khudozhestvennoi prozy* [Selected works. On the language of fiction]. M.: Nauka, 1980, 360 p. [in Russian].
2. Tamarchenko N.D. *Literatura kak produkt deiatel'nosti: teoreticheskaia poetika* [Literature as a product of activity: theoretical poetics]. *Teoriia literatury. V 2 t.* [Theory of literature. In 2 Vols.]. M.: Akademiia, 2004, Vol. 1, pp. 106–264 [in Russian].

3. Nikolina N.A. *Filologicheskii analiz teksta* [Philological analysis of the text]. M.: Akademiia, 2003, 256 p. [in Russian].
4. Radishchev A.N. *Polnoe sobranie sochinenii: V 3 t.* [Complete set of works: In 3 Vols.]. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1938, Vol. 1, 501 p. [in Russian].
5. Ivanova M.V. *Obraz avtora kak intriga drevnerusskoi slovesnosti* [Image of the author as the intrigue of ancient Russian literature]. In: *Ezhegodnaia bogoslovskaiia konferentsiia Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo Bogoslovskogo institute* [Annual theological conference of St. Tikhon's Orthodox University]. M.: Izd-vo Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo Bogoslovskogo institute, 2002, pp. 305–309 [in Russian].
6. Valgina N.S. *Sintaksis sovremennogo russkogo iazyka* [Syntax of modern Russian language]. M.: Vysshiaia shkola, 1991, 432 p. [in Russian].
7. Esin A.B. *Stil'* [Style]. In: *Literaturnaia entsiklopediia terminov i poniatii* [Literature encyclopedia of terms and notions]. M.: Intelvak, 2003. Column 1031–1033 [in Russian].
8. Potebnaya A.A. *Teoreticheskaiia poetika* [Theoretical poetics]. SPb.: Akademiia, 2003, 384 p. [in Russian].
9. Tomashevskij B.V. *Teoriia literatury. Poetika* [Theory of Literature. Poetics]. M.: Aspekt Press, 2002, 334 p. [in Russian].
10. Hazagerov G.G., Kornilova E.E. *Ritorika dlia delovogo cheloveka* [Rhetoric for the business person]. M.: Flinta: MPSI, 2001, 136 p. [in Russian].
11. Bakhtin M.M. *Voprosy literatury i estetiki* [Matters of literature and aesthetics]. M.: Khudozhestvennaia literatura, 1975, 504 p. [in Russian].

A.V. Rastyagaev, Yu.V. Slozhenikina*

AXIOLOGICAL CODE OF A. RADISHCHEV'S «LIFE OF FEDOR VASILIEVICH USHAKOV» RHETORICAL STORY

The paper studies «Life of F.V. Ushakov» by A. Radishchev. The novel is a canonical transformation of hagiographic genre. It consists of two stories: the rhetorical and biographical. The consequence of duality becomes a stylistic heterogeneity of the narrative text. The object of the paper is the story of rhetorical language features. The plot is connected with reflections of A. Radishchev, his thoughts about the relationship of power and rights, the role of the individual in society, partnership, friendship, love, the idea of the Enlightenment. The language features are targeting narrative, associative semantic and sensory field, local and temporal lexical classifiers, complex syntactic whole, aphorisms, lexical repetition, antithesis, paraphrases.

Key words: style, «Life of F.V. Ushakov», A. Radishchev, axiological code, philological analysis of the text, XVIII century.

Статья поступила в редакцию 15/XI/2016.
The article received 15/XI/2016.

---

* *Rastyagaev Andrej Viktorovich* (avr67@yandex.ru), *Slozhenikina Yulia Vladimirovna* (goldword@mail.ru), Department of Philology and Mass Communications, Samara branch of Moscow City University, 76, Stara-Zagora St., Samara, 443081, Russian Federation.